

# ОБ ОСНОВАНИЯХ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ ПРАВА, СОВРЕМЕННОМ ПРАВОПОНИМАНИИ И НАУЧНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ ПРАВОВЕДЕНИЯ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ<sup>1</sup>

## ON THE VALIDITY OF LAW FOUNDATIONS, MODERN UNDERSTANDING OF THE LAW AND SCIENTIFIC RATIONALITY OF THE LEGAL SCIENCE IN THE DIGITAL AGE

**V. Puchkov**  
**O. Puchkov**

*Summary.* The study addresses the problem of the foundations of the validity of law in the context of the actual types of the understanding of the law and scientific rationality. The article concludes the two fundamentally different ontological images of law (i.e. empirically-objectivist in classical understanding of the law and ideally-subjectivist in postclassical one) to be represented in modern legal theory. The authors justifies that none of these approaches is able to ensure the virtual relations specific's comprehension to the full extent. Either the article argues thesis that the types of scientific rationality may substantiate the methodological specifics of the legal science in the digital age. The authors attempts to reconstruct the formation of the law in the situation of the insufficient positive legal regulation of the social relations' digital sphere. The study finds the law to take shape at the level of understanding as the representation of the objective and available claims, requirements of the relevant conduct and its implications. Consequently the authors come to conclusion that the foundation of the validity of law in the digital era is not represented by the positive law only, but by the understanding of the social relation's legal character either.

*Keywords:* law, validity of law, digital age, understanding of the law, scientific rationality, virtual space, methodology.

**Пучков Владислав Олегович**  
Соискатель, Уральский государственный  
юридический университет

**Пучков Олег Александрович**  
Д.ю.н., профессор, Уральский государственный  
юридический университет  
puchkovandpartners@gmail.com

*Аннотация.* В статье рассматривается проблема оснований действительности права в контексте актуальных типов правопонимания и научной рациональности. Делается вывод, что в современном правопонимании представлены две принципиально различные онтологические картины права (эмпирико-объективистская — в классическом правопонимании, идеально-субъективистская — в постклассическом правопонимании). Авторы обосновывают, что ни один из данных подходов не способен в полной мере обеспечить осмысление специфики социальных отношений в виртуальной сфере. Также в статье подвергается сомнению тезис о возможности обоснования методологической специфики правоведения цифровой эпохи в контексте типов научной рациональности. Авторы предпринимают попытку осуществить реконструкцию процесса правообразования в ситуации недостаточности позитивно-правового регулирования цифровой сферы общественных отношений. Формулируется вывод о том, что право первоначально формируется на уровне понимания как представленность в сознании объективно существующих притязаний, требований соответствующего поведения и последствий реализации данных явлений. Вследствие этого авторы приходят к выводу, что в цифровую эру основанием действительности права является не только наличие позитивного права, но и понимание правового характера того или иного общественного отношения.

*Ключевые слова:* право, действительность права, цифровая эпоха, правопонимание, научная рациональность, виртуальное пространство, методология.

<sup>1</sup> Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 18–29–16148 «Трансформация права в условиях развития цифровых технологий».

*В основе науки о праве... лежит существенное недоразумение от-носительного того, в какой сфере можно найти и наблюдать правовые явления и как их следует изучать*

Л. И. Петражицкий [1, с. 34]

С точки зрения основного разделения всех наук на естественные и гуманитарные правоведение, без сомнения, является гуманитарной наукой. Основания такого подхода в принципе понятны: правовая действительность носит производный характер от реальности общественных отношений, и в этом смысле вне человека, вне сообщества людей права нет<sup>1</sup>. Отсюда следует, что само право как предмет научного осмысления не является природным (в смысле естествознания) явлением, а представляет собой по существу идеальный объект<sup>2</sup>, явление, не существующее за пределами реальности, конституируемой нашим сознанием<sup>3</sup>. В этом контексте оправданно считать, что право наряду, к примеру, с языком, культурой, искусством и т.п. относится к числу гуманитарных феноменов, и что, соответственно, методология научного познания права развивается в парадигме гуманитаристики<sup>4</sup>.

Такова общая науковедческая картина онтологии правовой науки. *Prima facie* подобная концепция является если не бесспорной, то во всяком случае не лишённой определенных философско-методологических оснований. В то же время не следует упускать из виду то обстоятельство, что право в такой логике является системным явлением, поскольку как предмет научного познания оно не существует изолированно как от гуманитарных, так и от естественных, природных феноменов<sup>5</sup>. Системные свойства права опосредуются в этом смысле двумя аспектами, которые можно терминологически обозначить в качестве «внешнесистемного» и «внутрисистемного». Внешнесистемный аспект права обусловлен его институциональной природой, взаимосвязанностью и взаимообусловленностью права

<sup>1</sup> «*Ubi societas, ibi ius*» («где общество, там и право» (лат.)) — утверждали римские юристы [2, с. 113].

<sup>2</sup> «Идеальный объект в данном контексте, — пишет М.А. Розов, — это объект, свойства которого обусловлены не его материалом, не его физической природой, а некоторыми социальными программами» [3, с. 41]. См. также: [4, с. 190]

<sup>3</sup> Рассматривая специфику гуманитарных наук, П.А. Сорокин писал, что «содержание, предмет изучения, внутренняя структура, методология обусловлены здесь *типом доминантной культуры* (курсив наш — В.П., О.П.)» [5, с. 467].

<sup>4</sup> Попытки представить право в качестве природного (в смысле естествознания) явления, предпринятые школой юснатуралистов, показали в этом смысле свою методологическую несостоятельность [6, с. 40].

<sup>5</sup> О системном характере организации объектов научного познания см.: [7, с. 9–10; 8, с. 96].

всем комплексом иных явлений как гуманитарного, так и естественного плана. Здесь в качестве примера можно обратиться к факторам религиозного порядка, обусловившим формирование религиозного правового семейства (систем мусульманского, индуистского, иудейского права), к факторам экономико-идеологического порядка, вследствие которых появилось социалистическое право, к факторам антропологического порядка, конституирующим традиционные правовые системы и т.п. Существенное влияние на право оказывают также факторы технического и технологического плана. Показательным примером являются в заданном контексте дискуссии юристов по вопросу о правосубъектности искусственного интеллекта [9, с. 46; 10, с. 11], о правовых свойствах цифровых объектов [11, с. 221; 12, с. 104; 13, с. 91; 14, с. 88; 15, с. 5–7], об использовании онлайн-технологий в урегулировании споров [16, с. 476; 17, с. 283] и т.п. Следовательно, на уровне сознания не может быть «чистого» права, то есть существующего изолированного от иных социальных институтов, «неправовых» по своей сущности факторов.

В свою очередь, внутрисистемные свойства права отражают его строение, характер правового воздействия на общественные отношения, специфику правовых форм и типологию правового регулирования. Все эти свойства при этом имеют вполне эмпирическое выражение и проявляют себя, в частности, в текстах законов и судебных постановлений, в юридически значимых поведенческих актах, в конкретных мерах реализации юридической ответственности и т.п.

Изложенное дает основание полагать, что реальность права сама по себе не ограничена только пространством идеального, сферой человеческого мышления. Право, таким образом, принадлежит к сфере сознания ровно в той же степени, в которой оно относится к числу эмпирически воспринимаемых явлений объективной действительности. Таким образом, с некоторой долей условности допустимо говорить о *двух принципиально различных онтологиях права* — *идеальной* (конституируемой правопониманием, системой абстрактных понятий о правовом) и *материально-эмпирической* (опосредуемой всей системой чувственно воспринимаемых правовых явлений). Данная ситуация ярко проявляет себя в известном «противопоставлении» юридической теории и практики: первая по преимуществу нацелена на исследование онтологии *права как идеального явления*, вторая же — на прикладные разработки *права как эмпирической действительности* [18, с. 20]. Следует констатировать, что такое положение дел в принципе характерно для континентальной правовой традиции. Так, еще Цицерон, характеризуя состояние современной ему юриспруденции, писал: «У нас нет подлинного и ясного представления об истинном праве и о настоящей спра-

ведливости, и мы пользуемся только их тенью и очертаниями» [19, с. 141], говоря в этом смысле прежде всего об узко-прикладном, фактически функциональном характере римской юриспруденции, нацеленной на обслуживание конкретных юридических практик<sup>1</sup>. Подобные характеристики видятся справедливыми и в отношении современной юриспруденции.

Итак, мы можем сделать вывод, что в настоящее время сложились две принципиально различные онтологии (а точнее — *онтологические картины*) права, ни одна из которых при этом не охватывает *право как целостность, как системное образование, которому в равной мере присущи и идеальные, и эмпирические характеристики* [21, с. 26–28]. Такая методологическая ситуация находит свое отражение в сегодняшней правовой теории, в которой наблюдается в связи с этим методологическая конкуренция типов правопонимания, терминологически обозначаемых в качестве «классического» и «постклассического» [22, с. 88–91]. Основанием такой ситуации является, с нашей точки зрения, *проблема действительности права*, в основе которой лежит вопрос о том, к какой сфере явлений принадлежит право *per se*. Классическое правопонимание в этом смысле отстаивает тезис об эмпирической сущности права, понимаемого в качестве системы общеобязательных норм социального поведения, исходящих от государства как политико-правовой организации общества, зафиксированных в нормативно-правовых актах и обеспеченных государственным принуждением [23, с. 104; 24, с. 52; 25, с. 180; 26, с. 205; 27, с. 332–341; 28, с. 87; 29, с. 137; 30, с. 169; 31, с. 196].

В противовес приведенному подходу сторонники постклассического правопонимания обосновывают intersубъективную природу права, оправдывающую интерпретацию права в качестве идеального по своей сущности явления, онтологическое «отображение... права в адекватном ему мыслительном образе» [32, с. 22; 33, с. 5; 34, с. 16; 35, с. 209; 36, с. 30]. Таким образом, устоявшееся в парадигме «нормальной науки» (Т. Кун) классическое правопонимание основывается на эмпирико-объективистских началах, а постклассическое, соответственно, на идеально-субъективистских. Тем самым правовая доктрина по существу не включает в свою парадигму целостную онтологию права, а, как уже было отмечено, репрезентирует лишь отдельные аспекты права как системного явления, его онтологические картины, взятые изолированно единицы правовой

<sup>1</sup> По выражению Р. Иеринга, «история римского права до нашего времени знает только циферблат часов, не имея понятия об их механизме. Она не касается вопроса о скрытой силе, которая приводит в движение стрелку, и донельзя внешняя связь ее историко-юридического материала напоминает систематику счета прачки: сорочки, воротнички, носовые платки, — *leges, senatusconsulta, constitutiones principum, etc*» [20, с. 476].

действительности [37]. Данная ситуация осложняется набирающей темпы цифровизацией социальной сферы, резким смещением акцентов социальной деятельности в плоскость информационно-телекоммуникационного пространства и, наконец, появлением в этом пространстве «цифровых артефактов»<sup>2</sup>, по существу приобретающих характер экономических благ. Цифровое пространство — это качественно новый феномен современной цивилизации, который не вписывается ни в методологическую матрицу классического правопонимания (поскольку таковое нацелено на осмысление в первую очередь материальных явлений при помощи традиционных юридических конструкций<sup>3</sup>), ни в теоретическое пространство постклассического правопонимания (поскольку действительность цифрового пространства — это действительность не столько мышления, сколько особой технологической сферы, в которой реализуются общественные отношения<sup>4</sup>). Тем самым можно констатировать, что все феномены, подлежащие научному осмыслению средствами юридической науки, условно можно разделить на материальные, идеальные и *виртуальные*, находящиеся равным образом и вне сферы материального мира, и вне нашего сознания, и которые в настоящее время представлены системой явлений и процессов, складывающихся в информационно-технологическом пространстве. Данные виртуальные явления, не относящиеся ни к реальности сознания, ни к материально-эмпирической действительности, правовая наука в силу вышеназванных обстоятельств практически не в состоянии осмыслить адекватно их сущности, на что обращается внимание в современных исследованиях<sup>5</sup>.

<sup>2</sup> О понятии артефакта см.: [38, с. 9].

<sup>3</sup> Характерна в этом смысле теоретическая позиция Ю. В. Козубенко по вопросу о существе механизма правового регулирования. «Механизма уголовно-правового регулирования *нет как объекта реальной действительности*, — утверждает автор, — в этом смысле он *воспринимается как юридическое описание реальности* (курсив наш — В.П., О.П.)» [39, с. 4]. В приведенном рассуждении усматривается ключевая установка классического правопонимания, а именно — восприятие права только как эмпирически воспринимаемой действительности. Здесь правовая теория предстает как рефлексия над текстуальной действительностью права и практикой его применения, а выработанные в данном процессе абстрактные понятия (как, например, понятие механизма правового регулирования) и созданные правовым сознанием идеальные объекты признаются *не относящимися к правовой действительности*. О методологических основаниях критики такого подхода см.: [1, с. 27].

<sup>4</sup> См. подробнее о процессах, протекающих в современном информационном обществе под влиянием права: [40].

<sup>5</sup> «Право, — пишет в связи с этим В. В. Архипов, — нацелено на регулирование реальности, но «жесткая реальность» доинформационного общества, в котором сложились основные институты права и само право как социальный институт, трансформируется в современную «игривую медиареальность», в которой сложно (но при этом необходимо!) найти принцип, по которому мы сможем *определять ту область применения норм, имеющих предостаточно-обязывающий характер, которая не будет противоречить здравому смыслу, иными словами — не приведет к абсурду* (курсив наш — В.П., О.П.)» [41, с. 139].

В связи с этим нередко (а в последнее время — достаточно часто) исследователи призывают к рассмотрению права как науки в контексте типов научной рациональности, в частности — к определению характеристик права и правовой науки в контексте гносеологических установок постнеклассического типа. Так, по мнению Д.А. Пашенцева и Д.Р. Алимовой, соответствующее познавательное отношение к праву и правоведению обеспечивает возможность сформулировать необходимую правовую модель регулирования отношения в цифровом пространстве [42, с. 102]. Т.Л. Воротилина, в свою очередь, утверждает, что «постнеклассические» установки в научном правопознании позволяют сформулировать «материально-информационное понимание реальности» [43, с. 10] и тем самым должным образом осмыслить процессы цифровизации. Однако при этом, на наш взгляд, исследователи упускают из виду то обстоятельство, что типология научной рациональности была сформулирована ее автором В.С. Степиным применительно к методологии *естественных наук*, к числу которых правоведение не относится. В связи с этим эвристическая состоятельность данной методологической модели в контексте гуманитарно-научного познания представляется нам как минимум спорной<sup>1</sup>.

Однако следует признать, что «методологический диктат» естествознания и ориентация философии науки с самого ее зарождения в философском позитивизме О. Конта на осмысление характеристик естественно-научного познания неизбежно накладывает отпечаток и на философско-методологические рефлексии гуманитарных наук [46, с. 7; 32, с. 14–15]. Так, к примеру, Н.Н. Та-

расов связывает идею различения объекта и предмета правоведения со становлением неклассической научной рациональности в контексте открытий А. Эйнштейна и В. Гейзенберга [47, с. 134]. В этом смысле, как утверждает сам исследователь, «теоретический план связан в основном с *экстраполяцией философских представлений о разграничении объекта и предмета науки на юриспруденцию* (курсив наш — В.П., О.П.), выбором соответствующих контекстов описания и определением понятий объекта и предмета юридической науки» [48, с. 40]. Однако насколько оправдан такой методологический подход? Очевидно, что концепция различения объекта и предмета науки связана в заданном контексте именно с изменениями в методологии естествознания (в первую очередь — теоретической физики). Следовательно, именно в рамках методологической матрицы естествознания и формируется пространство философско-рефлексивных представлений об объекте и предмете науки. «Автоматическая» экстраполяция Н.Н. Тарасовым методологических оснований такого подхода на область правоведения как гуманитарной науки видится при этом едва ли обоснованной и представляется неверной по существу (тем более, что ранее сам исследователь верно отмечает, что «в плане методологии научного познания сравнивать юриспруденцию с естествознанием более чем сложно» [49, с. 26]). Вне сомнения, правоведению также присуща методологическая идея о различении объекта науки и ее предмета, но в то же время утверждать, что онтология этой идеи обусловлена именно соответствующими процессами в естествознании и осуществляется *таким же образом*, как и в методологии естественных наук, совершенно неправомерно (достаточно отметить, что проблему различения объекта и предмета правоведения обозначил еще задолго до зарождения этой идеи в методологии естествознания немецкий юрист Ф.-К. фон Савиньи<sup>2</sup>). Здесь правильнее, с нашей точки зрения, говорить не об изменениях в методологии правовой науки, опосредуемых соответствующей динамикой естествознания, а о произошедших на рубеже XIX — XX вв. «радикальных изменениях во всех сферах европейской культуры, в том числе и в стиле научного мышления» [32, с. 15], о трансформации всего образа социального мира, неизбежно нашедших отражение и в общеметодологических характеристиках научного познания [5, с. 467, 720]. Иными словами, идея неклассической научной рациональности (и, соответственно, представление о различении объекта и предмета науки) в естествознании является лишь частным проявлением указанных социокультурных изменений в области естественных наук, то есть следстви-

<sup>1</sup> В принципе следует подчеркнуть, что и идея об изначальной методологической и аксиологической нейтральности естественных наук является небесспорной. Подтверждением тому является обоснованное мнение О. Конта, который, выдвигая теорию о трех стадиях интеллектуальной эволюции человечества (теологической, метафизической и научной), замечает, что для средневековой науки «теологический дух должен был долгое время необходимым, в особенности для постоянного сочетания *моральных и политических идей* (курсив наш — В.П., О.П.)» [44, с. 13]. Тем самым именно субъективные установки и ценностно-целевые структуры общества (в первую очередь — огромная роль католических догматов в мышлении), которые с позиции типологии научной рациональности, стали характерны для естественных наук только в последней трети XX в., в значительной мере обуславливали развитие европейской науки (в том числе ее естественного направления).

Еще один аргумент против тезиса об отсутствии какого-либо влияния ценностно-целевых структур личности и общества на естественно-научную деятельность вплоть до эпохи постнеклассической научной рациональности усматривается в следующем тезисе Л.М. Косаревой: «В XVII в., когда контекст технологического использования новых теоретических концепций был еще неразвит, — отмечает автор, — несоизмеримо большую роль в признании теорий играли мировоззренческо-ценностные факторы: физика Аристотеля в XVII в. устарела не сколько «эмпирически» или «экономически», сколько «морально» [45, с. 119]. При этом Л.М. Косарева обоснованно подчеркивает: «Ценностная нейтральность естественнонаучного знания — это не реальность; это — социально полезный методологический миф, возникший, а точнее, «социально сконструированный»... в позитивистской методологии науки не ранее начала XIX в.» [45, с. 119].

<sup>2</sup> Так, в концепции Ф.-К. фон Савиньи достаточно отчетливо прослеживается идея о различении объекта юриспруденции (как этнической общности) и ее предмета как системы исторических фактов правового развития, юридической сущности народного духа — *Volksgeist* (см.: [50, с. 142–143; 51, с. 222; 52, с. 149; 53, с. 89]).

ем, а не причиной, и тем более — не основанием для соответствующей типологии гуманитарно-научной рациональности [54, с. 9–10, 20–22].

В принципе, идея о рассмотрении права и, соответственно, о построении методологии юридической науки сообразно с философской типологией научной рациональности является имманентно присущей современному правоведению. В заданном контексте Е. В. Тимошина небезосновательно констатирует «избыточность «постнеклассики» в теории права» [32, с. 8], отмечая отсутствие достаточных методологических оснований для соответствующей концептуализации [32, с. 8]. Разделяя данный вывод уважаемого автора, отметим, что ситуация «постнеклассики» (то есть зависимости результатов исследования не только от характеристик объекта, но и от научно-познавательной методологии и социокультурных условий научного познания) *была всегда характерна для юриспруденции*. Здесь достаточно обратить внимание на то обстоятельство, что, к примеру, в исследовательской практике глоссаторов, по сути заложивших методологический фундамент современной юридической науки, отчетливо прослеживается влияние ценностно-целевых структур общества (в частности, христианского богословия, из которого глоссаторы взяли отношение к тексту юстиниановой кодификации как к *ratio scripta* [55, с. 48; 56, с. 214; 57, р. 450–451], а также прямая зависимость между избранной исследовательской методологией (в частности, установками номинализма или реализма) и результатами познания [58, с. 62–63; 59, с. 272]<sup>1</sup>.

Таким образом, цифровая эпоха поставила перед нашим правоведением фундаментальную проблему — проблему *оснований действительности права*. Эта проблема, как уже было отмечено ранее, в актуальной теории права разрешается двумя качественно различными способами: либо представлением права как эмпирического феномена (в классическом правопонимании), либо отнесением его к числу идеальных объектов, социально-эпистемологических конструктов [63, р. 266–269] (что более характерно для постклассического понимания). Однако неспособность данных теорий в полной мере отразить специфику *виртуальных аспектов права, не относящихся ни к эмпирической, ни к идеальной действительности*, обусловила формирование в нашем научном правосознании установки

<sup>1</sup> Такая характеристика справедлива в отношении не только юридической науки, но и юридической практики. Так, представители американских школ правового реализма и критических правовых исследований убедительно показывают, что решения, принимаемые судьями, зависят не только от объективных факторов (фактических обстоятельств конкретного дела, юридических норм и прецедентных правовых позиций), но и также — от методологии судейского познания и от факторов политико-идеологического и социокультурного плана (см.: [60, р. 62; 61; 62, р. 72–76]).

на интерпретацию правовой действительности в соответствии с гносеологией постнеклассической научной рациональности, с тем чтобы обеспечить возможность ценностно-целевого и методологического измерения права в контексте цифровизации. С нашей точки зрения, процессы информатизации общественных отношений, придания им новой — цифровой — формы становятся для нашей теории права своего рода моментом истины, фактором, определяющим методологическую состоятельность юриспруденции в ситуации отмечаемой конкуренции классического и постклассического правопонимания. Поэтому основные и первоочередные проблемы отечественного правоведения в сегодняшних реалиях — это в первую очередь проблема его методологии и проблема правопонимания, сущности права. В этом смысле мы ставим перед собой задачу осуществить теоретическую концептуализацию данных проблем в контексте реалий информационного общества.

В этой связи, рассматривая проблему действительности права, правопонимания, представляется уместным обратиться к ее философским контекстам. В философии вопрос о действительности явления традиционно рассматривается сквозь призму его онтологических оснований, то есть отношений и структур, являющихся исходными по отношению к явлению [64, с. 279]. «Основание, — писал в связи с этим М. Хайдеггер, — есть то, на чем все покоится, что предлежит всякому сущему в качестве того, что его несет» [65, с. 209]. «Вопрос об основании, — замечает в связи с этим Л. В. Баева, — это... вопрос о смысле и законе присутствия, в то время как вопрос о бытии — это вопрос о его фактичности» [66, с. 15]. Тем самым действительность права конституируется его онтологическими основаниями, исходными условиями, оправдывающими принципиальное бытие права как самостоятельного социального феномена. В таком контексте необходимо проследить процесс образования права, его институционального оформления.

С точки зрения устоявшихся представлений о праве (то есть классического правопонимания) его образование напрямую связано с волей государства; имманентно присущий праву позитивный, государственно обеспеченный характер оправдывает в такой онтологической схеме отождествление права с государственным велением. Тем самым, с нашей точки зрения, процессу образования права придается в этом смысле односторонний характер: право по сути не связывается с социальными условиями и практиками, а сводится к односторонне-властному предписанию, конституируемому публичной волей. Однако в этом смысле целесообразно отметить, что любой процесс позитивного правотворчества непосредственно связан с характером регулируемых отношений. Так, цифровизация гражданского оборота и стремительное развитие информацион-

но-телекоммуникационных технологий стали теми факторами, которые обусловили, в частности, включение в перечень объектов гражданских прав цифровых прав (статья 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации [67] (далее — ГК)), установление правовых оснований для использования технологии смарт-контракта как способа автоматического исполнения обязательств (часть 2 статьи 309 ГК), регламентацию оказания информационных услуг (статья 783.1 ГК [68]) и т.п. Практика привлечения инвестиций с использованием электронных платформ, в свою очередь, обусловила принятие отдельного федерального закона, регулирующего краудфандинговую деятельность (Федеральный закон от 2 августа 2019 г. N259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [69]). В этой связи мы можем сделать вывод, что государственное правотворчество представляет собой реакцию на изменения в актуальных социальных практиках. Здесь нам видится уместным привести следующее мнение немецкого социолога и юриста О. Эрлиха. «Люди, которые записывали законы Двенадцати таблиц, Салическую правду, Саксонское зеркало, — писал исследователь, — познавали право своего времени из непосредственного наблюдения (курсив наш — В.П., О.П.). Поэтому их задачей было собрать именно то право, с которым они имели дело, и зафиксировать его в правовых предложениях. Это относится и к той части права, с которой работают современные юристы» [70, с. 478]. Таким образом, даже в условиях возможности государства произвольно формулировать правовые предписания (в том числе и не соотносящиеся с потребностями социальной деятельности [71, с. 264]<sup>1</sup>) мы не можем однозначно утверждать, что единственным источником права выступает воля государства. Правотворчество в этом смысле представляет собой односторонне волеизъявление публичного субъекта ровно в той же мере, в которой оно является необходимостью текстуального оформления и нормативной регламентации *уже сложившихся в обществе отношений, воспринимаемых в связи с этим в качестве правовых*. Тем самым, полемизируя со сторонниками классического правопонимания, мы можем утверждать, что исходящее от государства позитивное право — это в первую очередь способ оформления права, уже сложившегося в социальных практиках. Издавая законы, в которых фиксируется правовой режим цифровых прав, осуществляется регулирование оказания информационных услуг и краудфандинга, государство тем самым признает *объективный правовой характер соответствующих социальных явлений*.

<sup>1</sup> Достаточно радикальную оценку такому положению дел дает Д. В. Осинцев, отмечая, что «право есть принимаемые социумом способы вторжения в устоявшуюся социокультурную ситуацию и придание ее некой консервативной традиции после изменения естественного хода дел и замены его нормативным порядком управления» ([72, с. 13]).

В этом смысле допустимым представляется утверждать, что классическое правопонимание по сути подменяет содержание права его формой (законом, подзаконным актам и иными принятыми в актуальных социокультурных условиях формами выражения права вовне).

*Ergo*, можно констатировать, что правовой характер придается общественным отношениям «изнутри» их самих, и только впоследствии фиксируется «извне» в тексте закона. Такая логика прослеживается в историко-антропологических характеристиках правогенеза, показывающих процесс зарождения права первоначально в форме первобытного обычая, «общинного права», а затем — последовательный переход к более развитым формам права, в первую очередь — к формам его государственно-властной объективации [73, с. 83–35].

Как пишет по данному поводу Д. В. Осинцев, «нормы права не сосуществуют наряду с иными социальными нормами, а придают им социально значимый, официальный статус, замещают их, а также создают новации в регламентации социальной деятельности» [72, с. 12]. Иными словами, в интерпретации автора правовые нормы — это по сути официальная, государственно-признанная форма объективации тех или иных социальных норм, а не особый институциональный регулятор общественного поведения наряду с моралью, религией, обычаями, традициями и корпоративными нормами. Однако позиция автора не решает в этом смысле нашу познавательную задачу, поскольку даже в контексте такого подхода не снимается вопрос о том, *почему те или иные социальные явления определяются в качестве правовых*<sup>2</sup>. Ведь если исходить из того, что право зарождается внутри общественных отношений, то логично предположить, что человек *понимает* правовой характер этих отношений<sup>3</sup>. В этой связи для разрешения проблемы действительности права имеет существенное значение ответ на вопрос о том, чем обусловлено отнесение явлений и процессов в информационно-технологическом пространстве к числу *правовых*?

С нашей точки зрения, изложенное обуславливает необходимость в концептуальном различении понимания *права* и понимания *правового*. Если первое пред-

<sup>2</sup> В этой связи следует безусловно согласиться с утверждением И. П. Малиновой о том, что «в законотворческой и правоприменительной деятельности очень важно учитывать специфику эпохи, в силу чего членам юридического сообщества необходим мониторинг существенных изменений в жизни общества» [74, с. 9].

<sup>3</sup> Разумеется, такое понимание, с нашей точки зрения, носит скорее интуитивный характер хотя бы ввиду того, что развернутая юридическая концептуализация тех или иных социальных практик (то есть не только понимание правовой сущности явление, но и *знание его непосредственных юридических характеристик*) вряд ли возможна вне соответствующей профессиональной подготовки (см.: [75, с. 85]).

ставляет собой в первую очередь профессиональную рефлексию объективно наличествующего права, взятого в том или ином познавательном отношении и онтологическом представлении, то во втором случае мы по сути сталкиваемся с определением права в ситуации, когда его нет в объективном смысле. «Глубочайшей сущностью права — пишет в связи с этим Г. К. Варданянц — является... «ощущение права», возникающее как предпосылка рождения спроса на права» [76, с. 20]. В этом контексте социальный генезис права описывается исследователем как взаимосвязанное и взаимообусловленное формирование «правовых ожиданий», «спроса на права» и «предложения права» [76, с. 21]. При всей неоднозначности такого терминологического обозначения мы не можем, тем не менее, не отметить, что Г. К. Варданянц совершенно правильно указал, что первоначально истоки права формируются на уровне *понимания*, а не на уровне *знания*. Тем самым реконструкция процесса образования права нуждается в герменевтической интерпретации.

Здесь представляется уместным обратиться к понятию понимания, сформулированному В. Дильтеем в качестве объективации индивидуального переживания. «Понимание впервые снимает ограниченность индивидуального переживания, — писал В. Дильтей, — и оно же, с другой стороны, придает личным переживаниям характер жизненного опыта» [77, с. 141]. «Роль первичного понимания состоит в том, чтобы овладеть собственными переживаниями, уметь их выразить — пишет в связи с этим М. Е. Соболева. — Схваченные в понимании и выраженные в знаке, переживания превращаются в жизненный опыт, в знание о собственной жизни» [78, с. 76]. Тем самым понимание, направленное первоначально на индивидуально-психическое переживание, впоследствии объективируется в опыт, который, в свою очередь, опосредует формирование знания, *понятия* о том или ином феномене.

*Ergo*, с нашей точки зрения, понимание *правового* первоначально формируется в контексте индивидуально-психической картины мира как особый *концепт* действительности, то есть область специальных значений и смыслов, придаваемых определенному виду социальных практик [79, с. 47; 80, с. 20; 81, с. 242–243; 82, с. 149]. В этом контексте концепт предстает в первую очередь в качестве особой формы познания действительности, основанной на воспроизведении смыслов [83, с. 228], которое является «условием возможности конструктивной деятельности человеческого разума» [84, с. 57]. В процессе оформления права в практике общественных отношений концепт предстает как отношение денотата (конкретного предмета или явления эмпирической действительности) и смысла как способа представленности социально значимых свойств денотата в мышлении [85, с. 351]. «Право, — пишет в связи с этим В. А. Белов, — это

возможность (максима) всеобщего поведения, являющаяся продуктом компромисса между свободой личности и сплочением общества. Право ощущается с помощью правового чувства (если угодно — интуиции) и, будучи воспринятым, принимает вид правовых ощущений, — обоснованно замечает далее автор. — Именно они и облекаются в объективные формы: нормативные акты, обычаи, судебные и административные акты, акты изъятия воли частных лиц и, наконец, в ряд научных категорий» [86, с. 57]<sup>1</sup>.

Изложенное, с нашей точки зрения, позволяет судить о том, что понимание *правового* представляет собой особый гносеологический процесс, основанный на переживании явления и придании ему правовых смыслов в контексте соотношения субъективного притязания, поведения субъекта, которому адресовано данное притязание, и социального итога соответствующего отношения. Тем самым схематично концепт *правового* можно представить через триаду: «право» (притязание на что-либо) — «обязанность» (необходимость другого лица предоставить денотат притязания) — «ответственность» (негативные последствия, наступающие для обязанного лица при отказе предоставить денотат притязания). Именно такие характеристики, с нашей точки зрения, присущи отношениям в информационно-телекоммуникационном пространстве до их правового оформления на уровне позитивного права.

Обоснованность заявленного тезиса проявляется, на наш взгляд, в контексте формирования представлений о правовой сущности такого результата интеллектуальной деятельности как программа для электронных вычислительных машин (далее — программа для ЭВМ, программное обеспечение).

История современного программирования для ЭВМ берет свое начало в электромеханическом периоде развития вычислительной техники (конец XIX — 40-е гг. XX вв.) и связана в первую очередь с изобретениями немецкого инженера К. Цузе, разработавшего в 1934 г. модель автоматического калькулятора [88, с. 67]. Именно в указанный период начинаются систематические разработки программного обеспечения, которое первоначально не имело собственного правового режима. В такой ситуации объективно актуализировался вопрос о правовой модели охраны прав изготовителя программы для ЭВМ на ее исходный текст и объектный код. Соответствующая проблема, в частности, начинает активно обсуждаться в отечественном правоведении в 1970-х гг.

<sup>1</sup> Весьма оригинально описывает процесс образования права О. С. Иоффе: «Что существуют нотные знаки — видно всем, но где же музыка? Ответ не менее прост, чем вопрос: нормы права так же воплощаются в законодательных актах, как музыка в нотных знаках» ([87, с. 67]).

в контексте многообразных исследовательских подходов к определению правового режима программ для ЭВМ (авторско-правового, патентно-правового и др.) [89, с. 53; 90, с. 22–25]. Таким образом, изначально не урегулированный правом режим программ для ЭВМ признавался объективно имеющим правовой характер *в силу наличия самого притязания автора на защиту изготовленной им программы от внешних посягательств и обусловленной этим необходимостью других лиц воздерживаться от таких притязаний*.

Сходная ситуация формируется и в настоящее время в контексте отношений между субъектами взаимодействия в виртуальной сфере. Показательным примером в этом смысле является дело «*Брэг против Линден Рисч Инк.*» (*Bragg v. Linden Research Inc.*, 487 F. Supp. 2d 593 (E. D. Pa. 2007)).

Согласно материалам дела, истец обратился в суд с иском к администратору онлайн-игры, основанием которого послужила, по мнению истца, необоснованная блокировка его аккаунта в онлайн-игре *Second Life*, вследствие которой истец лишился виртуальных активов на общую сумму около 5 000 долл. США. Ответчик, возражая против иска, указал в судебном заседании, что блокировка аккаунта истца была обоснована его неправомерным поведением. Так, ответчик отметил, что истец необоснованно получил доступ к игровым аукционам, на которых он приобрел по сниженной цене виртуальный земельный участок. В итоге дело было окончено мировым соглашением, и окружной суд избежал необходимости юридической квалификации отношений в виртуальном пространстве. Однако в заданном контексте наиболее важен сам факт принятия такого иска к производству суда. Данный факт, с нашей точки зрения, свидетельствует о признании отношений в виртуально-игровой сфере *имеющими правовой характер даже в отсутствие соответствующего регулирования* [91, с. 112]. При этом, с нашей точки зрения, основанием такого подхода является объективное существование притязания, необходимость должного поведения другого лица в связи с наличием этого притязания и риск наступления негативных последствий для обязанного лица.

Итак, сказанное позволяет судить о том, что *основанием действительности права является не только наличие позитивного права, но и понимание правового характера того или иного общественного отношения*. Такое понимание, как было отмечено ранее, можно представить как соотношение «права» (притязания на что-либо), «обязанности» (необходимости другого лица предоставить денотат притязания) и «ответственности» (негативных последствий, наступающие для обязанного лица при отказе

предоставить денотат притязания). Соответствующую концептуализацию права, актуализирующуюся прежде всего в контексте отношений в виртуальном пространстве, нельзя однозначно отнести ни к классическому, ни к постклассическому правопониманию, поскольку в такой логике действительность права связана прежде всего с особым способом познавательного отношения к социальной действительности, несводимой при этом ни к материально-эмпирическому, ни к субъективно-мыслительному содержанию. Здесь эмпирический и идеально-мыслительный аспект правовой действительности соединяются воедино при социальном конструировании права как *концепта*, идущего от индивидуально-жизненного переживания, формирования социальных притязаний, к их системно-практической организации и последующему нормативно-правовому оформлению (появлению права как *социального конструкта*) [92, с. 37]. Тем самым, с нашей точки зрения, актуализируется применение герменевтико-диалектической методологии в научном познании социальных явлений информационно-технологической сферы. Эпистемологическая организация современного правоведения в соответствии с установками философской герменевтики позволяет, по нашему мнению, избежать неоправданной подмены *юридического концепта* отношений в цифровой сфере их позитивно-правовой моделью, обеспечивает представление права как объективно формирующегося в пространстве социальных практик нормативного регулятора отношений, несводимого ни к тексту закона, ни к индивидуально-субъективному восприятию. В этой связи, с нашей точки зрения, актуальные внутринаучные характеристики правовознания не могут быть объяснены в контексте типологии научной рациональности. Роль данной концепции мы видим прежде всего в расширении методологических границ правоведения цифровой эпохи за счет привлечения концептуальных схем, методологических подходов из технической и технологической мысли.

Таким образом, проблема оснований действительности права (рассматриваемая, как правило, в контексте классического или постклассического правопонимания) нуждается в дальнейшей теоретической разработке в контексте реалий цифровой эры. По нашему мнению, от решения данной проблемы зависит дальнейшее принципиальное будущее права в условиях, когда виртуальное пространство характеризуется стихийным оформлением собственных регуляторов поведения, природа которых не поддается однозначному юридическому определению. В этом смысле принципиально необходимым становится развитие в первую очередь *общетеоретических* правовых исследований, задающих вектор развития отраслевого правового знания об особенностях общественных отношений в информационно-телекоммуникационном пространстве.



## ЛИТЕРАТУРА

1. Петражицкий Л. И. Введение в изучение права и нравственности. Основы эмоциональной психологии. 3-е изд. — СПб.: Тип. Ю. Н. Эрлих, 1908.
2. Цицерон Марк Туллий. Три трактата об ораторском искусстве / Пер. с лат. Ф. А. Петровского, И. П. Стрельниковой, М. Л. Гаспарова; под ред. М. Л. Гаспарова. — М.: Научно-издательский центр «Ладомир», 1994.
3. Розов М. А. О природе идеальных объектов науки // Философия науки. 1998, № 4.
4. Берг Л. Н. Исследование правового воздействия: методология, теория, практика: Дис. ... д-ра юрид. наук. — Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет, 2018.
5. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика: исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений / П. А. Сорокин; Пер. с англ. В. В. Сапова. — СПб.: Изд-во РХГИ, 2000.
6. Честнов И. Л. Общество и юриспруденция на исходе второго тысячелетия: Монография. — СПб.: О-во «Знание», СПБИНВЭСЭП, 1999.
7. Афанасьев В. Г. Проблема целостности в философии и биологии. — М.: Мысль, 1964.
8. Садовский В. Н. Методология науки и системный подход // Системные исследования. Ежегодник. — М.: Наука, 1977.
9. Архипов В. В., Наумов В. Б. Искусственный интеллект и автономные устройства в контексте права: о разработке первого в России закона о робототехнике // Труды СПИИРАН. 2017, вып. 6 (55).
10. Пономарева Е. В. Субъекты и квазисубъекты права: теоретико-правовые проблемы разграничения: Дис. ... канд. юрид. наук. — Екатеринбург: Уральская государственная юридическая академия, 2019.
11. Белых В. С., Егорова М. А. Понятие, значение и правовое регулирование криптовалюты в современных условиях гармонизации и развития цифровых правоотношений // Проблемы гармонизации экономических отношений и права в цифровой экономике. — М.: Юстицинформ, 2020.
12. Лисаченко А. В. Право виртуальных миров: новые объекты гражданских прав // Российский юридический журнал. 2014, № 2 (95).
13. Мефодьева К. А. Цифровые данные как объект гражданско-правового регулирования в Германии, США и России: Дис. ... канд. юрид. наук. — М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2019.
14. Мурзин Д. В. Информация в третьем тысячелетии — объект гражданских прав? // Экономическое правосудие в Уральском округе. 2019, № 3 (51).
15. Хрусталева А. В. Электронные денежные средства как объект гражданского правоотношения: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — СПб.: СПбГЭУ, 2019.
16. Курочкин С. А. Онлайн-арбитраж: правовые аспекты // Право в сфере Интернета: сборник статей / Отв. ред. М. А. Рожкова. — М.: Статут, 2018.
17. Федорова В. Д. Инструменты онлайн-системы судебных взаимоотношений в рамках формирования глобализированной судебной системы // Вопросы российского и международного права. 2019, т. 9, № 4А.
18. Тарасов Н. Н. Юридическая наука и юридическая практика: соотношение в методологическом контексте (о практической юридической науки и научности юридической практики) // Российский юридический журнал. 2012, № 3 (84).
19. Цицерон. Об обязанностях // Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях. — М.: Наука, 1974.
20. Иеринг Р. О задаче и методе истории права // Журнал Министерства юстиции. 1896, № 2.
21. Блауберг И. В. Целостность и системность // Системные исследования. Ежегодник. — М.: Наука, 1977.
22. Сизова Н. М. Классическое и постклассическое правопонимание: онтологические, гносеологические, аксиологические и эпистемологические критерии соотношения // Философия права. 2014, № 1 (62).
23. Алексеев С. С. Общая теория права: В 2-х т. Т. I. — М.: Юридическая литература, 1981.
24. Алексеев С. С. Теория права. — М.: Издательство БЕК, 1995.
25. Егоров С. Н. Аксиоматические основы теории права. — СПб.: Лексикон, 2001.
26. Любашиц В. Я., Мордовцев А. Ю., Мамычев А. Ю. Теория государства и права. — М.: РИОР, 2014.
27. Марченко М. Н. Проблемы теории государства и права. Учебник. — М.: Проспект, 2001.
28. Общая теория государства и права: учебник / под ред. С. Ю. Наумова, А. С. Мордовца, Т. В. Касаевой. — Саратов: Саратовский социально-экономический институт (филиал) РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2018. С. 87;
29. Перевалов В. Д. Теория государства и права: учебник для бакалавров / В. Д. Перевалов. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2012.
30. Сабо И. Основы теории права: Пер. с венг. / Под ред. и с вступ. статьей д-ра юрид. наук В. А. Туманова. — М.: Прогресс, 1974.
31. Теория государства и права: Учебник / Под ред. В. К. Бабаева. — М.: Юрист, 2003.
32. Тимошина Е. В. Классика, постклассика... неоклассика: к обоснованию контрпостмодернистской программы в теории права // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2014, № 4 (315).
33. Веденеев Ю. А. Грамматика правопорядка: монография / науч. ред. В. В. Лазарев. — М.: РФ-Пресс, 2018.
34. Малахов В. П. Мифы современной общеправовой теории: монография / В. П. Малахов. — М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2013.
35. Поляков А. В. Что есть право? // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2012, № 6 (305).
36. Честнов И. Л. Правовая реальность как предмет постклассической философии прав // Российский журнал правовых исследований. 2019, т. 6, № 2 (19).
37. Правовая жизнь в современной России: теоретико-методологический аспект / Под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. — Саратов: ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2005.
38. Вартофский М. Модели. Репрезентация и научное понимание / Пер. с англ. Общая редакция и предисловие И. Б. Новика и В. Н. Садовского. — М.: Прогресс, 1988.

39. Козубенко Ю. В. Уголовно-процессуальные аспекты межотраслевого механизма уголовно-правового регулирования: Дис. ... д-ра юрид. наук. — Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет, 2018.
40. Пучков О.А., Пучков В. О. Право, информация, цифровые технологии: синергия технотронной эры. Монография. Екатеринбург: Уральская книга. 2019.
41. Архипов В. В. Семантические пределы права в условиях медиального поворота: теоретико-правовая интерпретация: Дис. ... д-ра юрид. наук. — СПб.: СПбГУ, 2019.
42. Пашенцев Д.А., Алимова Д. Р. Новации правотворчества в условиях цифровизации общественных отношений // Государство и право. 2019, № 6.
43. Воротилина Т. Л. Постнеклассические тенденции в западной и российской традициях правопонимания: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Нижний Новгород: Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, 2002.
44. Конт О. Дух позитивной философии: Слово о положительном мышлении. Пер. с фр. / Предисл. М. М. Ковалевского. Изд. 2-е. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011.
45. Косарева Л. М. Этические идеалы и познание природы // Косарева Л. М. Рождение науки Нового времени из духа культуры. — М.: Издательство «Институт психологии РАН», 1997.
46. Степин В. С. Философия науки: общие проблемы: учебник для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук / В. С. Степин. — М.: Гардарики, 2006.
47. Тарасов Н. Н. Методологические проблемы юридической науки. — Екатеринбург: Издательство Гуманитарного университета, 2001.
48. Тарасов Н. Н. Объект и предмет науки как методологическая проблема современной юриспруденции // Российский юридический журнал. 2017, № 6 (117).
49. Тарасов Н. Н. Объект и предмет юридической науки: подходы и методологические смыслы различия // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2010, № 1 (288).
50. Савиньи Ф.-К. фон. Система современного римского права. Т. I / Пер. с нем. Г. Жигулина; Под ред. О. Кутателадзе, В. Зубаря. — М.: Статут, 2011.
51. Savigny F.C. von. System des heutigen Römischen Rechts. Bd. 3. — Berlin: Bei Veit und Comp., 1840.
52. Savigny F.C. von. Vom Beruf unsrer Zeit für Gesetzgebung und Rechtswissenschaft. — Berlin: Mohr und Zimmer, 1814.
53. Savigny F.C. von. Vorlesungen über juristische Methodologie 1802–1842 / Herausgegeben und eingeleitet von A. Mazzacane. — Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1993.
54. Тимошина Е. В. Теория и социология права Л. И. Петражицкого в контексте классического и постклассического правопонимания: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — СПб.: СПбГУ, 2010.
55. Глухарева Л. И. Система права в контексте правовой догматики // Система права в классическом и постклассическом измерениях: Коллективная монография по итогам круглого стола № 6 в Московском институте государственного управления и права; под ред. д.ю.н., профессора А. Г. Чернявского и д.ю.н., профессора И. Л. Честнова. — М.: Русайнс, 2016.
56. Павлов В. И. Антропологическая концепция права и юридическая герменевтика: методологические параллели // Парадигмы юридической герменевтики: монография / под общ. ред. Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова. — СПб.: Алетейя, 2017.
57. Re E. D. The Roman Contribution to the Common Law // Fordham Law Review. 1961, Vol. 29. Iss. 3
58. Грабарь В. Э. Римское право в истории международно-правовых учений: Элементы международного права в трудах легистов XII — XIV вв. — Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1901.
59. Полдников Д. Ю. Контракт и пакт в доктрине глоссаторов: XII — XIII вв.: Дис. ... канд. ист. наук. — М.: Институт всеобщей истории Российской Академии наук, 2005.
60. Greenawalt K. Law and Objectivity. — New York: Oxford University Press, 1992.
61. Hutchinson A.C. (ed.). Critical Legal Studies. — Totowa: Rowman & Littlefield Publishers, Inc., 1989.
62. Llewellyn K. The Brumble Bush: On our Law and its Study. — New York: Oceana, 1930.
63. Gergen K. The Social Constructionist Movement in Modern Social Psychology // American Psychologist. 1985, № 40 (3).
64. Котелевский Д. В. Грани (–) новой онтологии // Онтология: учебное пособие в 2-х частях / науч. ред. Е. В. Бакеева, отв. ред. О. Н. Томяк. Ч. I. — Екатеринбург: Издательский дом «Ажур», 2015.
65. Хайдеггер М. Положение об основании // Хайдеггер М. Положение об основании. Статьи и фрагменты / Пер. с нем., глоссарий, послесловие О.А Коваль, предисловие Е. Ю. Сиверцева. — СПб.: Лаборатория метафизических исследований философского факультета СПбГУ; Алетейя, 2000.
66. Баева Л. В. Ценностные основания бытия // Вестник Оренбургского государственного университета. 2003, № 5.
67. Гражданский кодекс Российской Федерации: часть первая от 30 ноября 1994 г. N51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 5 декабря 1994 г. N32. Ст. 3301.
68. Гражданский кодекс Российской Федерации: часть вторая от 26 января 1996 г. N14-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 29 января 1996 г. N5. Ст. 410.
69. «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»: Федеральный закон от 2 августа 2019 г. N259-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 5 августа 2019 г. N31. Ст. 4418.
70. Эрлих О. Основоположение социологии права / Пер. с нем. М. В. Антонова; Под ред. В. Г. Графского, Ю. И. Гревцова. — СПб.: ООО «Университетский издательский консорциум», 2011.
71. Сырых В. М. Логические основы общей теории права. Т. 3. Современное правопонимание. — М.: Российская академия правосудия, 2007.
72. Осинцев Д. В. Юридические техники и юридические технологии: очерк альтернативного право-понимания // Российский юридический журнал. 2018, № 4 (121).

73. Герасимова Н. П. Генезис права // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2015, № 2.
74. Малинова И. П. Философия права: учебник / И. П. Малинова. — М.: Норма: ИНФРА-М, 2020.
75. Белов В. А. Учение о сделке в российской доктрине гражданского права (литературный обзор) // Сделки: проблемы теории и практики: Сборник статей. — М.: Исследовательский центр частного права, 2008.
76. Варданыц Г. К. Социальный генезис права: гештальтсоциологический анализ: Автореф. дис. ... д-ра соц. наук. — М.: МГУ, 2008.
77. Dilthey W. Der Aufbau der geschichtlichen Welt in den Geisteswissenschaften. — Leipzig und Berlin: V. G. Teubner, 1927.
78. Соболева М. Е. Философская герменевтика: понятия и позиции. — М.: Академический проект, 2013.
79. Абелья П. Тео-логические трактаты: Пер. с лат. / Вступ. ст., сост. Неретиной С. С. — М.: Прогресс, Гнозис, 1995.
80. Гаджиев Г. А. Онтология права (критическое исследование юридического кон-цепта действительности): монография / Г. А. Гаджиев. — М.: Норма: ИНФРА-М, 2013.
81. Зиновьев А. А. Фактор понимания / А. А. Зиновьев. — М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. С. 242–243;
82. Маркова Л. А. Философия из хаоса. Ж. Делез и Ф. Гваттари о философии как творчестве концептов // Вопросы философии. 2002, № 3.
83. Кондаков Н. И. Логический словарь. — М.: Наука, 1971.
84. Тимошина Е. В. Право как «идея», как «фикция» и как «факт»: о номинализме и реализме в теории права // Труды Института государства и права Российской Академии Наук. 2013, № 4.
85. Фреге Г. Смысл и денотат // Семиотика и информатика. Сборник научных статей. Вып. 35. — М.: Русские словари, 1997.
86. Белов В. А. Объяснение (эссе о юристах и юридической деятельности) // Корпоративный юрист. 2006, № 1.
87. Иоффе О. С. О понимании советского права // Советское государство и право. 1979, № 8.
88. Казакова И. А. История вычислительной техники: учеб. пособие / И. А. Казакова. — Пенза: Изд-во ПГУ, 2011.
89. Быков С. Н. Проблемы становления законодательства об охране компьютерных программ // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2012, № 3.
90. Рысенцев В. А., Мартымянов В. С., Масляев А. И. Правовое регулирование отношений, основанных на создании и использовании алгоритмов и программ // Советское государство и право. 1987, № 8.
91. Архипов В. В. Виртуальное право: основные проблемы нового направления юридических исследований // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2013, № 2 (307).
92. Веденеев Ю. А. Интерпретации права как культурно-исторический феномен: категория и институт // Актуальные проблемы российского права. 2016, № 5 (66).

© Пучков Владислав Олегович, Пучков Олег Александрович ( puchkovandpartners@gmail.com ).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»



Уральский государственный юридический университет